

УДК 94(47).084

С.Б. Ульянова

**ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(1920 – 1930-е ГОДЫ)**

Svetlana B. Ulyanova

**GENDER RELATIONSHIP IN THE SOVIET INDUSTRY
(1920'S AND 1930'S)**

Аннотация

В статье рассматриваются гендерная структура трудовой занятости в советской промышленности в межвоенный период, место женщин-работниц в заводском сообществе, а также гендерные нормы, стереотипы и предрассудки, бытовавшие в фабричной социальной среде. Автор делает вывод, что, несмотря на провозглашенное равноправие полов и политику гендерного реструктурирования советской экономики, женщины оставались дискриминируемой группой промышленного сообщества.

Ключевые слова

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ.

Abstract

The present article studies a gendered structure of an employment in the Soviet industry in the 1920's and 1930's; the situation of women-workers in factory communities; gendered norms, stereotypes and prejudices in a factory social space. The author concludes that, in spite of a declaration of gendered equality and gendered restructuring of the Soviet economy, women were a discriminated stratum of the industrial community.

Keywords

SOCIAL HISTORY OF INDUSTRY, GENDER HISTORY, HISTORY OF SOVIET SOCIETY, GENDER RELATIONSHIP, GENDER DISCRIMINATION.

За последние годы отечественная историография сделала большой шаг вперед в изучении гендерной (в основном, женской) истории [1–4]. Исследователи изучают полоролевые стереотипы, нормы и идентичности. Общепринятым стало утверждение, что гендерные отношения являются важным фактором социальной организации любого общества. При этом, как отмечает М. Хаттон, положение женщины представляло собой одну вещь в теории, другую – в законодательстве и третью – в

повседневной жизни; реальное же положение было смесью всех трех [5, с. 139].

В гендерном аспекте может быть рассмотрена и история промышленной повседневности [6]. Профессиональное продвижение женщин в индустрии представляет собой социальный процесс, заключающий в себе множество разнообразных проблем. Его специфика в России связана, с одной стороны, с особенностями организационной культуры, отягощенной патриархальными и авторитарными

традициями, с другой стороны, с тем, что в годы советской власти вовлеченность женщин в индустриальное производство была выше, чем в большинстве стран мира, и, следовательно, они обладали значительным потенциалом активности [7, с. 450].

Советская женщина-работница привлекает наибольшее внимание исследователей темы. Так, например, Ю.В. Градскова в своей работе по изучению феномена «советской женщины» отметила, что для большинства российских тружениц работа по найму в основном представлялась вынужденной мерой, попыткой исправить тяжелое экономическое положение семьи или скопить деньги для замужества [8]. Как негативные последствия гендерной политики советской власти в историографии оцениваются: сохранение оценки женщины как работника «второй категории»; оценка женщин как менее способных работников; сосредоточение женщин в низкооплачиваемых отраслях производства; наличие гендерных стереотипов занятости и пр. [9, с. 206; 10, с. 431–432]. В советской литературе все это подавалось как отрицательная тенденция, которой партия и правительство противопоставили ряд административных и пропагандистских мер административного характера. В работах же современных авторов вовлечение женщин в промышленный труд интерпретируется не столько как стремление «освободить» женщину, сколько как навязанная ей обязанность выполнять свой «долг перед государством» наравне с мужчиной [8].

Женский труд в России, как и в других странах, стал массовой реальностью в годы Первой мировой войны [11, с. 515]. Но после окончания Гражданской войны женская занятость в промышленности снизилась [12, с. 257]. Безработица в 1920-е годы коснулась женщин гораздо сильнее, чем более квалифицированных рабочих-мужчин. Падало число женщин — членов профсоюзов, что свидетельствовало о сокращении женских мест на производстве. В середине 1924 года по СССР на 100 человек в производстве было занято 77,2 % мужчин и 27,8 % женщин [13, с. 94]. По данным переписи 1926 года, среди горожанок работающих женщин было 28,4 % (в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 %), причем 40,4 % всех занятых женщин находились в возрастной группе 16–29 лет (это значит, что большая часть жен-

щин работала до замужества и рождения детей) [14, с. 155–156].

В целом в годы нэпа администрация предприятий и профсоюзы стремились ограничить доступ женщин в индустрию, так как это приводило к появлению дополнительных проблем. Увеличивались социально-бытовые расходы, большинство работниц не обладало достаточной квалификацией (так, в 1926 году по 12 промышленным профсоюзам средний разряд был лишь у 4,1 % работниц [13, с. 95]), возможности интенсификации их труда были ограничены. Поэтому хозяйственники, как правило, пытались заменить женщин-работниц, хотя они были более покладисты, дисциплинированы, менее склонны к употреблению алкоголя и «своеволию».

Стоит напомнить, что, призывая женщин встать к станку, государство не позаботилось всерьез о развитии сферы услуг, системы дошкольных детских учреждений и т. п. Ясли или детский сад открывались при профсоюзе или отдельном предприятии, но мест в них катастрофически не хватало [15]. Да и не все женщины воспринимали как «освобождение от домашнего рабства» долгие часы работы на шумных и вредных для здоровья фабриках и заводах за мизерную зарплату под руководством авторитарных начальников [16, с. 224].

Американский исследователь В. Голдман обратила внимание на то, что за годы нэпа в промышленности усилилась горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация. С одной стороны, женская рабочая сила была сконцентрирована в «женских» секторах промышленного производства (в 1928 году почти 2/3 работавших женщин были заняты в текстильной промышленности), а с другой — женский труд был неквалифицированным и самым низкооплачиваемым [17, с. 24–25]. В 1927 году средняя зарплата работницы составляла всего 64 % от заработной платы рабочего (при существовавшем равенстве оплаты за одинаковую квалификацию) [18, с. 39]. Низкая квалификация и недостаточная оплата женского труда стали самыми существенными факторами гендерной дискриминации в заводском сообществе.

Если экономические обстоятельства не благоприятствовали увеличению доли женщин в промышленности, то идеологические соображения заставляли власть проводить по-

литику «трудового раскрепощения работниц», бороться «с консерватизмом по отношению к женщине» и т. п. Политическую мобилизацию женщин осуществляли отделы по работе среди женщин («женотделы»), организованные при ЦК РКП(б) и партийных комитетах разного уровня (действовали с 1919 по 1930 год). Кроме женотделов, гендерная политика большевиков продвигалась созданным сверху движением женских масс: с 1918 года в стране организовывались делегатские собрания. Делегатки, согласно квоте, выбирались на производственных собраниях работниц и направлялись на политучебу, организованную женотделами [19, с. 445–447].

А.Ю. Котылев оценивает движение делегатов как политизированный и идеологизированный вариант феминистского движения: «Его участницы должны были регулярно сходиться на собрания, где с ними проводили занятия по политграмоте, разъясняли им политику партии и Советского государства, призывали принять участие в очередных официальных кампаниях, которые в те годы проводились постоянно. Никаких властных полномочий делегатки не имели, по своей форме их собрания больше всего напоминали бы женские клубы, если бы не идеологический прессинг и откровенный антитрадиционализм, которыми сопровождалась их работа» [20, с. 637]. Соглашаясь с этим утверждением, отметим все же, что делегатками (особенно в традиционно «женских» отраслях индустрии) много делалось в области охраны труда, создания приемлемых условий для беременных и женщин с маленькими детьми, улучшения санитарно-гигиенической обстановки на фабриках и т. п.

На наш взгляд, деятельность делегатов в определенной степени вступала в противоречие с политикой профсоюзов, стремившихся оградить мужчин от дополнительной конкуренции (при том, что женщины составляли в 1926 году около 70 % работников текстильной промышленности, в фабрично-заводских комитетах, безусловно, преобладали мужчины [21]). Очень ярко отношение профессионалистов в текстильной отрасли к коллегам-женщинам отражает, например, заметка в ивановской газете «Рабочий край» о собрании делегатов: «Обсуждались вопросы об участии работницы в советском строительстве и ее задачи в восста-

новлении промышленности; <...> на собраниях пленума доклад заводоуправления о состоянии производства, который был сделан директором ф-ки т. Автономовым, члены фабкома от доклада отказались, указав, что „женщины все равно путного ничего не сделают“» (курсив наш. — С. У.) [22]. С.Г. Струмилин объяснял низкую общественную активность женщин тем, что «домашний очаг и „фабричный котел“ предъявляют, по-видимому, слишком различные требования в отношении культурного уровня, или, говоря иначе, квалификации обслуживающей их рабочей силы. Примитивный домашний очаг олицетворяет собой тысячелетнюю трудовую рутину. Он не требует никаких усилий мысли и не сулит никакого движения вперед. Современный „фабричный котел“ гораздо требовательнее. Он не позволяет около себя мирно уснуть. Замещая постепенно физический труд человека механической энергией, он все больше требует от него умственных усилий, внимания, смекалки» [23, с. 186].

Уже к концу 1920-х годов широко обсуждалась проблема: помехой освобождения женщины является не только «старый» быт, но и отношение «новых» советских мужчин к женскому освобождению.

В феврале 1931 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание по работе среди женщин, где приняли участие представители профсоюзов. На совещании прозвучало немало горьких упреков в мужском шовинизме (хотя термин не использовался) в адрес профсоюзов, рабочих-мужчин и администрации предприятий, местных партийных руководителей: женщин редко направляли на профобучение, после которого они могли бы претендовать на квалифицированные рабочие места; они занимались подсобной работой, уборкой, погрузкой и т. п., но не производительным трудом, работу у станка они получали редко и т. д. [17, с. 262, 265–266].

Часто мужчины просто не пускали женщин на квалифицированную работу. Так, на «Красном путиловце» в Ленинграде мужчины сверхурочно работали на токарных станках; женщины же, хотя им работы не хватало, не допускали к выполнению токарных работ. По свидетельству женотдела, работницам «приходилось драться за каждый станок» [13, с. 97]. Многие мужчины считали, что большой заработок женщине

не нужен, он ее «портит». Подавляющее большинство из них не потерпело бы, если бы жена зарабатывала больше, чем он. А когда в конце 1920-х годов в промышленность хлынули вчерашние крестьяне, они принесли на фабрики патриархальное консервативное отношение к женщине («Бабе дорога — от печи до порога»).

Профсоюзы не обращали внимание на то, что, когда женщина попадала в «мужской» цех, она подвергалась оскорблениям, ей не давали возможности продвинуться. Более того, иногда мужчины просто отказывались работать с женщинами. Возможно, они некомфортно чувствовали себя, работая рядом с женщинами, так как воспринимали их не как коллег, а как сексуальных партнеров. Для них это был гендерный вызов, нарушение общепринятых норм. Поэтому женщины часто становились объектом домогательств и жертвой хулиганов. Например, на «Красном путиловце» двое рабочих приставали к женщинам в цехе и говорили им непристойности. Если женщина протестовала, ей говорили: «Баронесса на завод затесалась, не место ей здесь» [24]. Обращения к начальству обычно не давали эффекта, руководители считали, что причина напряженности кроется в самом факте присутствия женщины в заводском пространстве.

Сексуальные связи на производстве — не редкость (это явление отмечалось еще и до революции). Как правило, они носят «вертикальный» характер: работница — мастер, конторская барышня — директор. «Вознаграждение» было различным: более выгодная работа, гарантия от увольнения, подарки. Например, в докладной записке о проведении проверки в связи с жалобой на положение дел на заводе ПВО № 1 Ленинграда (май 1935 года) говорилось о том, что женщины, о связях которых с секретарем парткома и предзавкома шли разговоры, получали премии как ударницы, не будучи ими на самом деле [25, л. 91].

Другой пример: на одной из конференций беспартийных работниц Ленинграда в 1926 году работница фабрики «Веретено» Андреева заявила о мастере крутильного отделения, что «если понравилась физиономия какой работницы, то он ее ставит куда потеплее, например мастерицей или проверщицей, как, например, Клюеву. Она работала на мокрых ватерах, но там очень грязно; так как мастер имеет к ней симпатию,

он моментально перевел ее проверщицей, несмотря на то, что она не в курсе дела. Есть еще две хорошеньких, он их поставил мастерицами, а мастериц достаточно и двух, а теперь их четыре, да какие они еще мастерицы, когда их сняли с машин, что не могут работать, а не потолковать со старыми работницами, поставил „подымай выше”» [26, л. 93–94].

В 1930-е годы миллионы женщин стали трудовым резервом индустриализации. В годы первой пятилетки именно они сыграли ведущую роль в процессе роста и трансформации состава рабочего класса. На 1 января 1927 года, по данным ЦСУ, в крупной промышленности работало 673,8 тыс. женщин, т. е. 28,5 % от общего числа рабочих [27, с. 288]. К 1935 году женщины составляли 42 % всех промышленных рабочих. Темпы роста женской рабочей силы опережали темпы роста мужской. Женский труд стал использоваться в таких новых отраслях, как машиностроение и энергетика, а также в угледобыче, металлургии и химии [17, с. 7]. Их заработки компенсировали значительное снижение доходов семьи, вызванное общим резким падением уровня оплаты труда. В годы второй пятилетки государство не смогло бы осуществить жесткие реформы, целью которых был контроль над движением рабочей силы, трудовой дисциплиной и текучестью кадров, не привлекая на производство женщин как ключевого резерва рабочей силы. В результате женщины не просто получают доступ к профессиям — они активно принимаются на прежде чисто мужские должности и производства, получают возможность для быстрого карьерного роста, заполняя все увеличивающееся число вакансий (этому способствовали и политические репрессии, затронувшие по преимуществу мужчин), причем как в городе, так и на селе.

Декларированная задача раскрепощения и «выдвижения» женщин предполагала искоренение традиционных практик частной жизни. Большевицкая политика выделяла несколько категорий женщин, различая их по уровню сознательности. Целевыми группами партийного воздействия были в первую очередь «женщины-пролетарки» — работницы отстанка и жены рабочих [19, с. 445–446]. Профсоюзные организаторы и работницы женотделов вели работу среди женщин в форме лекций, бесед, беспартийных конференций, поясняя новые

возможности, открывшиеся советским законодательством: женщины получили право на труд наравне с мужчинами, в том числе страхование по болезни, равную минимальную зарплату, ежегодный оплачиваемый отпуск.

В борьбе с «отсталостью» и «старорежимностью» активно использовалось создание «трудо-бытовых коллективов», вмещивавшихся в частную жизнь семьи. Например, на 3-м Всесоюзном совещании рабкоров в 1926 году рабкорка Нефедова говорила: «Нашу работницу надо учить и щи варить, и вшей вычесывать, и мясо рубить. Нашу работницу надо учить, как ребенка кормить, как белье стирать. <...> Товарищи, надо писать, как мужу устроить бисквит на яйцах. Ведь мы этого не знаем. Вот, говорят, есть беф-строганов какой-то, мы ведь этого тоже не знаем. А вот если об этом напишут, ко мне придет работница в гости, и я перед ней „беф-строганов” щегольну. <...> Мы боремся за то, чтобы иметь все хорошее: и белье, и юбку. И разрешите мне иногда, по праздникам, одеть желтые ботинки» [28, с. 158]. В этом высказывании можно увидеть два момента: стремление «научить новому быту» и стремление к регламентации этого быта.

Эмансипаторская деятельность власти привела к появлению различных форм феминизма. Помимо уже упоминавшихся институтов женотделов и делегатов, можно отметить движение рабкорок, группировавшихся вокруг «женских» журналов – «Работница», «Делегатка» и др. Так, в инструкции Московского женотдела отмечалось: «Записывать со слов неграмотных работниц и крестьянок наиболее интересные факты из их жизни и работы... Побуждать работниц и крестьянок писать также о всех наблюдаемых, замеченных ими беззакониях или несправедливостях, прививая мысль, что писать должно не только о том, что хорошо, но и том, что плохо, и что за правильно сообщенные факты никто наказанию не подвергнется» [29, с. 20–21].

Журнал «Работница» стал издаваться с января 1923 года и позиционироваться как журнал для городских жительниц. В нем, помимо статей политического содержания, печатались литературные произведения, существовали рубрики о кино и книгах, обсуждались бытовые проблемы. Московский женотдел в том же году начал издавать журнал «Делегатка», рассчитанный на работниц и крестьянок с активной

жизненной позицией, потенциальных представительниц делегатских собраний и непосредственно делегатов. Петроградский женотдел к 1 мая 1923 года приурочил выпуск журнала «Работница и крестьянка», предназначенный для «подготовленных» работниц и представительниц формирующейся новой советской интеллигенции [Там же. С. 21].

Заметным явлением 1930-х годов стало движение женщин-общественниц, которое О.А. Хасбулатова определила как технологию государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство [30]. Исследователь справедливо предположила, что, хотя это движение в печати подавалось как инициатива снизу, на самом деле это была хорошо продуманная прагматичная акция ВКП(б). Дело в том, что к середине 1930-х годов женщины составляли всего 35,8 % от общего числа занятых в промышленном производстве, поэтому домашние хозяйки были существенным резервом рабочей силы. С 1936 года советы жен-общественниц стали создаваться на заводах, фабриках, шахтах, стройках, железнодорожном транспорте.

Журнал «Общественница», издававшийся Наркоматом тяжелой промышленности, писал о движении жен хозяйственников, инженеров и техников тяжелой промышленности как о «новом отряде по перестройке быта и культуры» [31, с. 5]. Многие в этом движении напоминают дореволюционную светскую благотворительность. Так, например, общественницы треста «Мурманрыба» украшали каюты корабля «Таймыр», который эвакуировал экспедицию Папанина с Северного полюса (1938): «Каждая активистка предлагала использовать ее мастерство и умение для того, чтобы получше, поуютнее убрать каюты: т. Скорнякова, несмотря на свою болезнь, взялась вместе с т. Стрелковой сделать два красивых абажура на лампы; т. Ефремова – вышить скатерть под патефон. <...> Закипела дружная работа. Товарищи Корягина и Цейхмейстерова просидели всю ночь над вышивкой. Из их рук вышла красивая дорожка на буфет в кают-компанию. Тов. Смирнова красиво разрисовала портьеры, шила подушечки, подшивала скатерти. <...> Нам очень не понравилась старая скатерть, которая была послана на столе в кают-компанию. Решили, что папанинцы будут обедать на скатерти, приготовленной наши-

ми руками. Принялись за кропотливую работу. Необходимо было сделать 24 метра мережки, а по бокам вышить скатерть васильками. <...> Немало потрудились мы над абажуром для кают-компаний. <...> Два абажура, сделанные и разрисованные руками наших женщин, украшают теперь кают-компанию „Таймыра”. <...> Тов. Баринава сделала корзинку искусственных цветов из шелковых ниток. Когда мы ее поставили в каюте на стол, то моряки подумали, что цветы – настоящие <...>» [32, с. 13].

Во всех производственных отраслях активистки выполняли схожие работы: наводили порядок в заводских столовых, очищали от грязи и мусора, озеленяли заводские дворы, шефствовали над детскими садами, школами, рабочими общежитиями, вместо мастеров и других специалистов пытались разобраться в причинах, по которым часть рабочих не выполняла планов, посещали семьи прогульщиков, беседовали с ними и их женами и т. д. Судя по публикациям журнала «Общественница», женщинам эта работа нравилась, они чувствовали себя «общественно полезными». Участие в движении расширяло кругозор домашних хозяек, формировало у них навыки работы с людьми, давало возможность выйти из узкого домашнего круга.

Но самой главной их задачей оставалось вдохновлять на трудовые подвиги своих мужей. О.А. Хасбулатова отмечает, что в сталинский период идеология в области равноправия полов сочетала в себе и эгалитарные, и патриархальные взгляды [30]. Вовлекая женщин в общественное производство и общественную деятельность, руководители партии и государства 1930–1940-х годов ни на минуту не сомневались в превосходстве мужчин, их доминирующей роли в об-

ществе. Официальная идеология провозглашала, что главной задачей женщины, что бы она ни делала, какие бы посты ни занимала, является воспитание детей, помощь мужу.

В 1938 году в СССР стартовало движение жен за владение рабочими профессиями. При этом речь не шла о выборе профессии по призванию. Женщины овладевали профессиями своих мужей. В итоге к 1941 году число работниц и женщин-служащих составило 12 млн человек, что в 3,5 раза больше, чем в 1929 году. В промышленности удельный вес женщин поднялся до 41,6 %. Все это принципиально меняло гендерные отношения на уровне предприятия: женщины освоили традиционно «мужские» профессии, появилось много квалифицированных работниц, мужчинам пришлось волевым путем отказаться от сексизма в отношении к женщинам-работницам.

Таким образом, гендерные отношения в советской промышленности в межвоенный период определялись политикой активного вовлечения женщин в общественное производство, осуществлявшейся в условиях явно выраженного антифеминизма рабочей среды. Привлечение на производство домохозяек, молодежи и вчерашних крестьянок приводило к росту соперничества в промышленном сообществе, которое выражалось в дискриминации женщин со стороны рабочих-мужчин, заводского начальства и профсоюзных работников. Индустриальный скачок в годы первой и второй пятилеток потребовал колоссального увеличения индустриальной рабочей силы, важнейшим резервом которой стали женщины. В эти годы формировался «гендерный контракт», в котором совмещались производственные и семейные функции работающей женщины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адам и Ева. Альманах гендерной истории [Текст] / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Изд-во ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 472 с.
2. Пушкарева, Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии [Текст] / Н.Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.
3. Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия [Текст] / Л.П. Репина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 352 с.
4. Денисова, Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт [Текст] / Л.Н. Денисова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.
5. Hutton, M. Russian and West European Women, 1860–1939: Dreams, Struggles and Nightmares [Text] / M. Hutton. – Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2001. – 468 p.
6. Ульянова, С.Б. История промышленной повседневности: опыт изучения [Текст] / С.Б. Ульянова // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. – 2008. – № 5. – С. 108–115.

7. **Антропология** власти. Хрестоматия по политической антропологии [Текст]. В 2 т. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе / отв. ред. В.В. Бочаров. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 491 с.
8. **Градскова, Ю.В.** «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности [Электронный ресурс] / Ю.В. Градскова. — М.: Sputnik+, 1998. — Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php>.
9. **Россия** в XX веке: люди, идеи, власть [Текст] / отв. ред. А.К. Соколов. — М.: РОССПЭН, 2002. — 240 с.
10. **НЭП**: экономические, политические и социокультурные аспекты [Текст] / отв. ред. А.С. Сенявский. — М.: РОССПЭН, 2006. — 544 с.
11. **Мировые** войны XX века [Текст]. В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г.Д. Шкундин. — М.: Наука, 2002. — 686 с.
12. **Шкаратан, О.И.** Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР [Текст] / О.И. Шкаратан. — М.: Мысль, 1970. — 472 с.
13. **Окорочкова, Т.С.** Женский труд в промышленности СССР в годы нэпа [Текст] / Т.С. Окорочкова // Социол. исследования. — 1999. — № 9. — С. 93–100.
14. **Население** России в XX веке [Текст]. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. Ю.А. Поляков. — М.: РОССПЭН, 2000. — 463 с.
15. **Морозова, Ю.** Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) [Текст] / Ю. Морозова // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярославской-Смирновой. — Саратов: Изд-во ЦСПГИ: Научная книга, 2005. — С. 281–297.
16. **Эллман, М.** Советская индустриализация: выдающийся успех? [Текст] / М. Эллман // Эконом. история: обозрение. — Вып. 13 / под ред. Л.И. Бородкина. — М.: Изд-во МГУ, 2007. — С. 218–228.
17. **Голдман, В.З.** Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937) [Текст] / В.З. Голдман. — М.: РОССПЭН, 2010. — 357 с.
18. **Рашин, А.Г.** Женский труд в СССР [Текст] / А.Г. Рашин. — М.: Вопросы труда, 1928. — 64 с.
19. **Здравомыслова, Е.А.** Советский этакратический гендерный порядок [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социальная история. — 2003. — Женская и гендерная история / под ред. Н.Л. Пушкаревой. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 436–463.
20. **Котылев, А.Ю.** «Мальчишка, люби Революцию...»: гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. [Текст] / А.Ю. Котылев // Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 621–657.
21. **Pretty, D.** The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union // A Global History of Textile Workers, 1650–2000 [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.iisg.nl/research/russia.doc>.
22. **Рабочий** край. — 1921. — 27 января.
23. **Струмилин, С.Г.** Проблемы экономики труда [Текст] / С.Г. Струмилин. — М.: Наука, 1982. — 471 с.
24. **Труд.** — 1931. — 24 марта.
25. **Центральный** государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1525. Докладная записка зав. отделом парткадров ЛК ВКП(б) и инструктора отдела секретарям ЛК Жданову и Угарову. 31 мая 1935 г.
26. **ЦГАИПД СПб.** Ф. 16. Оп. 7. Д. 7395. Материалы о настроениях рабочих, случаях недовольства, конфликтах, волынках на фабриках и заводах. Март — октябрь 1926 г.
27. **К XV съезду** ВКП(б). Тезисы [Текст]. — М.: Изд-во ВЦСПС, 1928. — 400 с.
28. **3-е Всесоюзное** совещание рабкоров «Рабочей газеты» [Текст]. — М.: Изд-во «Рабочей газеты», 1926. — 222 с.
29. **Алферова, И.В.** Большевицкая женская печать: к истории становления (1914–1920-е) [Текст] / И.В. Алферова // Грамота. — 2011. — № 6. — В 3 ч. Ч. III. — С. 16–23.
30. **Хасбулатова, О.А.** Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство [Электронный ресурс] / О.А. Хасбулатова // Гендерные исследования: методологические подходы. — Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s04.php>.
31. **Общественница.** — 1936. — № 1.
32. **Там же.** — 1938. — № 4.

REFERENCES

1. Adam i Yeva. Almanakh gendernoy istorii. Pod red. L.P. Repinoy. Moscow, Publ. IVI RAN; St. Petersburg, Aleteyua, 2003. 472 p. (rus.)
2. **Pushkareva N.L.** Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost: Istoriya izucheniya “zhenskoy temy” russkoy i zarubezhnoy naukoj. 1800–2000. Moscow, Ladomir, 2002. 526 p. (rus.)
3. **Repina L.P.** Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina yevro-peyskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya. Moscow, ROSSPEN, 2002. 352 p. (rus.)
4. **Denisova L.N.** Sudba russkoy krestyanki v XX veke: brak, semya, byt. Moscow, ROSSPEN, 2007. 480 p. (rus.)

5. **Hutton M.** Russian and West European Women, 1860–1939: Dreams, Struggles and Nightmares. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2001. 468 p.
6. **Uyanova S.B.** Istoriya promyshlennoy povsednevnosti: opyt izucheniya. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU*, 2008, nr 5, pp. 108–115. (rus.)
7. Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii. V 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse. Otv. red. V.V. Bocharov. St. Petersburg, Publ. St. Petersburg Univ., 2006. 491 p. (rus.)
8. **Gradskova Yu.V.** “Obychnaya” sovetskaya zhenshchina – obzor opisaniy identichnosti. Moscow, Sputnik+, 1998. Access mode: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php>. (rus.)
9. Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast'. Otv. red. A.K. Sokolov. Moscow, ROSSPEN, 2002. 240 p. (rus.)
10. NEP: ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokulturnyye aspekty. Otv. red. A.S. Senyavskiy. Moscow, ROSSPEN, 2006. 544 p. (rus.)
11. Mirovyye voyny XX veka. V 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya voyna. Otv. red. G.D. Shkundin. Moscow, Nauka, 2002. 686 p. (rus.)
12. **Shkaratan O.I.** Problemy sotsialnoy struktury rabochego klassa SSSR. Moscow, Mysl, 1970. 472 p. (rus.)
13. **Okorochkova T.S.** Zhenskiy trud v promyshlennosti SSSR v gody nepa. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1999, nr 9, pp. 93–100.
14. Naseleniye Rossii v XX veke. V 3 t. T. 1. 1900–1939. Otv. red. Yu.A. Polyakov. Moscow, ROSSPEN, 2000. 463 p. (rus.)
15. **Morozova Yu.** Gosudarstvennaya politika v oblasti zhenskoy zanyatosti v 1920–1930-e gody (na primere nemetskoj avtonomii). *Nuzhda i poryadok: istoriya sotsialnoy raboty v Rossii, XX v.* Pod red. P.V. Romanova, Ye.R. Yarskoy-Smirnovoy. Saratov, Publ. TsSPGI, Nauchnaya kniga, 2005. Pp. 281–297. (rus.)
16. **Ellman M.** Sovetskaya industrializatsiya: vydayushchiysya uspekhi? *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye*. Vyp. 13. Pod red. L.I. Borodkina. Moscow, Publ. MGU, 2007. Pp. 218–228. (rus.)
17. **Goldman V.Z.** Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937). Moscow, ROSSPEN, 2010. 357 p. (rus.)
18. **Rashin A.G.** Zhenskiy trud v SSSR. Moscow, Voprosy truda, 1928. 64 p. (rus.)
19. **Zdravomyslova Ye.A., Temkina A.A.** Sovetskiy etatricheskij gendernyy poryadok. *Sotsialnaya istoriya*, 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya. Pod red. N.L. Pushkarevoy. Moscow, ROSSPEN, 2003. Pp. 436–463. (rus.)
20. **Kotylev A.Yu.** “Malchishka, lyubi Revolyutsiyu...”: gendernyy aspekt razvitiya rossiyskoy kultury 1917–1933 gg. Gender i obshchestvo v istorii. Pod red. L.P. Repinoy, A.V. Stogovoy, A.G. Supriyanovich. St. Petersburg, Aleteya, 2007. Pp. 621–657. (rus.)
21. **Pretty D.** The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union. *A Global History of Textile Workers, 1650–2000*. Access mode: <http://www.iisg.nl/research/russia.doc>.
22. Rabochiy kray, 1921, 27 yanvaria. (rus.)
23. **Strumilin S.G.** Problemy ekonomiki truda. Moscow, Nauka, 1982. 471 p. (rus.)
24. Trud, 1931, 24 marta. (rus.)
25. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPDSPb). F. 24. Op. 2v. D. 1525. Dokladnaya zapiska zav. Otdelom partkadrov LK VKP(b) i instruktora otdela sekretaryam LK Zhdanovu i Ugarovu. 31 maya 1935 g. (rus.)
26. TsGAIPDSPb. F. 16. Op. 7. D. 7395. Materialy o nastroyeniakh rabochikh, sluchayakh nedovolstva, konflik-takh, volynkakh na fabrikakh i zavodakh. Mart – oktyabr 1926 g. (rus.)
27. K XV syezdu VKP(b). Tezisy. Moscow, Publ. VTsSPS, 1928. 400 p. (rus.)
28. 3-e Vsesoyuznoye soveshchaniye rabkorov “Rabochey gazety”. Moscow, Publ. “Rabochey gazety”, 1926. 222 p. (rus.)
29. **Alferova I.V.** Bolshevistskaya zhenskaya pechat': k istorii stanovleniya (1914–1920-ye gg.). *Gramota*, 2011, nr 6. V 3 ch. Ch. III. Pp. 16–23. (rus.)
30. **Khasbulatova O.A.** Dvizheniye zhenshchin-obshchestvennits v 1930-ye gody kak tekhnologiya gosudarstvennoy politiki po vovlecheniyu domashnikh khozyayek v obshchestvennoye proizvodstvo. *Gendernyye issledovaniya: metodologicheskiye podkhody*. Access mode: <http://www.genderstudies.info/social/s04.php>. (rus.)
31. Obshchestvennitsa, 1936, nr 1. (rus.)
32. Ibidem, 1938, nr 4. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – профессор кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
oulianova@mail.spbstu.ru

ULYANOVA Svetlana B. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
oulianova@mail.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013